

DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-185-217-225
УДК 908+378.095

«Асеев дом» (1918–1921 гг.): «в состоянии большого запущения»

Александр Липанович АВРЕХ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1500-7945>, e-mail: host@tsutmbu.ru

“Aseev House” 1918–1921: “in a state of great neglect”

Aleksander L. AVREKH

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1500-7945>, e-mail: host@tsutmbu.ru

Аннотация. Прослежен эпизод, иллюстрирующий гуманитарный компонент социального катаклизма. На основе частично впервые вводимых в научный оборот архивных документов рассмотрены разрушительные хозяйственные и культурные проявления периода революции и Гражданской войны на примере городской усадьбы М.В. Асеева, являвшейся в начале XX века одной из архитектурно-культурных доминант губернского центра. После национализации предполагалось нереализованное приспособление «Дома Асеева» под детдом, что повлекло его фактическую бесхозность. Передача усадьбы в пользование формирующемуся государственному университету подразумевала двоякую цель: устранение бесхозности и формирование материальной базы высшего учебного заведения, могущего рассчитывать на централизованное финансирование. Перерастание революции в масштабную Гражданскую войну сделало невозможным ее реализацию. Прослежена бюрократическая волокита с передачей усадьбы Агрономическому факультету Тамбовского государственного университета, тянувшаяся до начала 1919 г., и усилившая запущенность строений и территории. Отсутствие в распоряжении университета и местных властей средств не позволили остановить разрушение усадьбы. Приведены данные, характеризующие нарастающее разрушение – запустение помещений, земельного участка, систем водоснабжения, отопления, электроподачи, канализации.

Ключевые слова: «Асеев Дом»; Тамбовский государственный университет; Агрофак; ремонт; смета; запустение

Для цитирования: *Аврех А.Л.* «Асеев дом» (1918–1921 гг.): «в состоянии большого запущения» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2020. Т. 25, № 185. С. 217-225. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-185-217-225

Abstract. We trace an episode illustrating the humanitarian component of the social cataclysm. On the basis of partially for the first time entered into scientific circulation archival documents, we consider destructive economic and cultural manifestations of the revolution period and civil war on the example of the city estate of M.V. Aseev which was in the beginning of the 20th century one of architectural and cultural dominants of the governorate center. After nationalization, it was assumed unrealized adaptation of the “House of Aseev” under the orphanage, which led to its actual abandonment. The transfer of the estate to the use of the emerging state university implied a dual purpose: the elimination of homelessness and the formation of the material base of the higher education institution, which can count on centralized funding. The development of the revolution into a large-scale civil war made it impossible to implement it. We trace the bureaucratic red tape with the transfer of the estate to the Agronomical faculty of Tambov State University, which lasted until the beginning of 1919, and increased the neglect of buildings and territory. The lack of funds at the disposal of the university and local authorities did not allow to stop the destruction of the estate. The data, which we give, characterize the increasing destruction – desolation of premises, land, water supply systems, heating, electricity, sewerage.

Keywords: “Aseev House”; Tambov State University; agronomical faculty; repair work; estimates; desolation

For citation: Avrekh A.L. «Aseev dom» (1918–1921 gg.): «v sostoyanii bol'shogo zapushcheniya» [“Aseev House” 1918–1921: “in a state of great neglect”]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2020, vol. 25, no. 185, pp. 217–225. DOI 10.20310/1810-0201-2020-25-185-217-225 (In Russian, Abstr. in Engl.)

На рубеже 1905–1906 гг. Тамбов обзавелся и по ныне одной из самых заметных архитектурно-культурных доминант. В продолжающую благоустройство усадьбу на южной оконечности Набережной (№ 6) вселился Михаил Васильевич Асеев, будущий действительный статский советник, промышленник, землевладелец, благотворитель и богач.

После «национализации» – изгнания владельцев, шикарная по тамбовским меркам усадьба вплоть до января 19-го оказалась в ведении отдела городского хозяйства горисполкома, то есть бесхозная. Что грозило полным разграблением – разорением (здание даже не запиралось). Тем временем формирующийся Тамбовский университет озабочивался поиском помещений. Совпадение интересов: горисполком не был в состоянии содержать усадьбу, университету требовались квадратные сажени/метры.

Дело двигалось неспешно. Еще 14 августа «агронимический факультет» заявлял: «означенный дом был бы в высшей степени пригоден для устройства... биостанции». Только в конце сентября комиссия под руководством известного столичного зоолога (ихтиолога) профессора Н.А. Иванцова посетила усадьбу «на предмет определения пригодности... для помещения гидробиологической» (общая для кафедр ботаники и зоологии) и метеорологической станций. Признали: пригодна («с помещениями для профессоров»). Не меньшей ценностью представлялся «обширный сад» (3 десятины, 7,2 тыс. кв. сажени): «как нельзя более пригоден» для развертывания исследовательской работы. Комиссионеры подчеркнули, что в выделяемом для факультета д. б. Ясли/лицей № 29 по Степана Разина поставить НИР нельзя – тесно. Расходы на оборудование, справедливо подчеркивалось, много меньше, чем наем «особого» помещения.

В октябре Коллегия по делам Тамбовского университета неоднократно обращалась «в исполнительный комитет Тамбовской

группы партии коммунистов» (формулировка, свидетельствующая о полном непонимании устройства новой власти) и горисполком с просьбой выделить для факультетских нужд учреждаемого агрономического факультета помещения б. Волжско-Камского банка/б. дом Шоршорова (Гимназическая/Долевая) «или» б. дом Асеева. В Асеевом доме предполагалось открытие метеорологической и гидробиологической станций, ботанического сада, обсерватории, показательной пасеки и огорода.

Местная власть среагировала в начале ноября: на 2-е назначалось учредительное заседание комиссии для приема дома Асеева (по одному представителю от земжилотдела, горхоза, Пролеткульта и ТГУ). Прозаседали. Потребовалось официальное ходатайство Коллегии с просьбой «предоставить дом Асеева... для устройства»: вышеприведенный перечень «и прочих научных целей». Заодно выражалась благодарность руководству горисполкома (и персонально – председателю Чистякову) «за отношение к нуждам университета», о чем намеревались известить НКпрос¹ [1, с. 27, 59].

3 декабря горисполком постановил: Коллегии по делам ТГУ представить сведения «о всех мероприятиях и планах, которые предполагает сделать университет по оборудованию дома...». Хотя сведения требовались для составления сметы, горхозу пришлось 7 декабря вторично обратиться в Коллегию. На сей раз справку осилили в неделю. Биостанция необходима «для удовлетворения местных нужд по организации правильного рыбоводства, пчеловодства, исследования очагов малярии, культуры ...особых растений (лекарственных, медоносных и проч.)». Настоятельно подчеркивалось, что б. Ясли первоначально предназначались только под «физико-химический институт», и для развертывания биологических исследований там места нет. А «без самостоятельных научных

¹ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р-1424. Оп. 1. Д. 3. Л. 10; Д. 89. Л. 14.

работ... университет теряет... значение учреждения не только учебного, но и научного». Эксклюзивность Асеева дома оттенялась близостью к Цне.

Предполагаемая структура проявляет масштабность первоначального замысла. «Отделы»: ботанический (с кабинетами «для научных работ» профессоров, ассистентов и студентов-биологов), зоологический (в том числе кабинеты ихтиологии и пчеловодства), гидробиологический (со спецотделением «по борьбе с малярией»), библиотека «с читальным залом по предметам биологии», музей, «зала» для «групповых занятий», метеорологическое отделение, помещения для приезжей профессуры, помещение для зава (обоснованно метил Иванцов) и «хотя бы одного ассистента». При биостанции предполагалось устройство оранжереи с «учебными и научными целями», ботанического сада «с плодовым отделением», огорода «показательных культур», рассадника медоносных и лекарственных растений, пчельника. По сезонным причинам немедленно можно было приступить к организации кабинетов по зоологии и физиологии животных, анатомии и физиологии растений, микробиологии и по «соприкасающимся» дисциплинам, готовящим «материалы для демонстраций», а также музея и библиотеки.

В начале осени 18-го приведение здания (49 помещений, водяное отопление, 2 плиты) в порядок представлялось возможным.

Перепроверка замков, устройство отопления, общий ремонт: остекление, поправка полов, чистка и оклеивание «ободранных стен», электроосвещение «применительно к потребности научно-учебного заведения, а не богатого купеческого дома». Усадьба обслуживалась собственной электростанцией, содержание которой представлялось чрезмерно дорогим, поэтому комиссия предлагала присоединение к общегородской сети. Из мебели кое-что сохранилось от прежних времен, впрочем, «в неудовлетворительном состоянии». «Можно было бы ограничиться приобретением» 6–12 больших рабочих столов, 6 малых, 4 шкафов, черной доски, мольберта «с досками», планок для таблиц, 50 табуреток, 12 стульев. Штат служащих «на первое время»: сторож, истопник, 2 «служащих при аудиториях», 1 «служащий при дворе», садовник, его помощник, с весны –

пчеловод. Особо оговаривалась необходимость предоставления жилья («хотя бы 2 комнаты») «одному из профессоров-биологов по избранию» и для ассистента. Бывшего штатского генерала (Иванцов в «другой жизни» имел чин действительного статского советника) можно понять: привлекали «функциональное удобство» и, не исключено, возможность пожить хотя бы в остатках более привычного интерьера. В начале зимы 18-го в относительно сытом Тамбове еще не просто было понять: что представлялось оснащением «на первых порах», станет совершенно невозможным в принципе.

Наконец, 25 декабря горисполком постановил: «дом Асеева, находящийся в ведении горисполкома, передать в распоряжение Коллегии... со всем ...инвентарем с тем, чтобы Университет устроил в нем Биологическую станцию с различными отделениями»; коллегии принять имущество от «Комиссии, опечатавшей дом» (госведение и сводилось к «опечатаванию»).

Вселялись постепенно (в течение второго полугодия 1918/19 учгода) в непригодное здание. Студенты даже выражали недовольство переводом основной части факультета на Набережную. Но состояние «Яслей» – не лучше. Выявились еще дефекты постройки. Уборных нет, выгребных ям – тоже, крыша худая и т. д.

Из «топографии» ТГУ к концу 1918/19 учгода: б. дом Асеева, ул. Набережная/6, водяное отопление, низкое давление, 52 помещения, 2 печи и 2 плиты² [1, с. 108].

В более или менее удовлетворительное состояние Асеев дом был приведен к лету. С начала мая и до конца августа руководство факультета многократно требовало от хозяйства дополнительных срочных мер к приведению в порядок усадьбы «до начала работ гидробиологической и ихтиологической станций» (особая забота – починка забора). Нуждались в подготовке помещения для практических занятий, следовало уже заботиться об оснащении двух дополнительных аудиторий к началу 1919/20 учгода. Требовалась мебель: 20 скамеек в две аудитории, 10 шкафов, 20 больших столов, 100 табуретов, 8 досок с подсветками и мольбертами (предполагалось перевезти 4 стола и «часть

² ГАТО. Ф. Р-1424. Оп. 1. Д. 89. Л. 14об., 22; Д. 60. Л. 1об.

табуретов из «Яслей»). Срочно: проводка электричества, для чего, прежде всего, требовались лампочки, керосин. И после осмотра здания: приведение в порядок отопления, канализации³.

Удалось устроить большую аудиторию на 500 слушателей, несколько учебных помещений, кабинетов и лабораторий (для чего заказывались «вывески из картона»). Мешали прежние роскошества. Стекло крыша растащена. Пришлось закрываться деревянными щитами (украдено и стекло с покрытия оранжереи). Началось размещение кабинетов физиологии животных, садоводства и огородничества, фотографического. Две комнаты и «запасные» помещения отвели под кафедры общего земледелия «с почвоведением», физиологии растений и под студенческий кружок «Природа». В мае образовалась студенческая артель, которая и занялась устройством сада и огорода. С садом-огородом возникли некоторые проблемы. Усадьба передавалась ТГУ на правах аренды. Агрофак настаивал на передаче угодий на постоянной основе в непосредственное ведение факультету (и земли возле «Яслей»). Документальные подтверждения продолжения коллизии не обнаружены, скорее всего, все осталось на прежних основаниях. К тому же приходилось отбиваться от незваных претендентов на университетскую «недвижимость, например, некоей «Оренбургской организации рабочих»⁴.

Размещение не означало оснащения. На первых порах «кабинеты» были лишь преподавательскими резиденциями. Например, кафедра общей зоотехнии: 2 комнаты («голые стены»). Удалось частично меблироваться, провести освещение, установить железные печи. «Приборно-инструментальное оборудование» пришлось переносить на осень 19-го.

Случалось всякое. Приусадебный сад предполагалось поднять до уровня ботанического. Пока разбирались с урожаем. Дебатировалось право преподавателей на яблочный «паек». Решили: только работавшим в саду. Впрочем, Иванцов вернуть яблоки отказался: «паяк мною съеден».

И в начале 1919/20 учгода муки по приведению помещений в порядок продолжа-

лись. Корпус агрофака (дом б. Ясли), где занимались первокурсники, оказался без клозетов. Пришлось «маневрировать», перенося туда часть «оборудования» из д. б. Шоршорова (Правление ТГУ и педфак) и Асеева дома. Добывалось кровельное железо «в казенных учреждениях». Из-за отказа «лесничества» предпринимались непростые в условиях «военного коммунизма» попытки приобрести тес у «частных лиц».

Несмотря на запущенность, Асеев дом оставался сравнительно притягательным местом. В августе, например, иногородние преподаватели Катаев, Северный, Орбели, Молчанов (к которым присоединились Шлезингер, Шлыкова Скоренкова и др.) обратились в Совет агрофака. Ссылаясь на невозможность приобрести жилье, они просили вселить их в незанятые помещения. Впрочем, распределением помещений ведало университетское руководство. Удалось кое-как наладить выделение лишь пары комнат в нижнем этаже для временного проживания. Агрофак периодически паниковал, напоминая Правлению ТГУ: примите «все необходимые меры к сохранению за <...> факультетом дома Асеева», заодно – проведя ремонт и решив вопрос с соответствующими «вывесками» (имелись в виду картонные таблички, обозначающие принадлежность комнат определенным кабинетам)⁵ [1, с. 141-142].

«Итоги» 1919 г. подводила записка Иванцова (которому факультет поручил курировать оснащение Асеева дома) от 18 ноября и его комментарий – дополнение от 29 декабря. Разительный контраст по сравнению с надеждами годичной давности.

Установка печей. То глины и песка нет, то – печника. Занятия под угрозой – не застеклены окна. Заказанная мебель не сделана. Профессорское жилье остается непригодным. Центральное отопление не налажено. Между прочим, вселившийся на 2-й этаж гублеском привел топку в порядок «в несколько дней», установка печей заняла день (скоро выяснилось, что до порядка далеко). Пол в большой аудитории остается покоробленным. «Стекло крыша <...> оранжереи расхищена окончательно» (промышляли окрестные жители). «Забор вокруг усадьбы ...продолжает разбираться, и не предпринимается никаких мер... чтобы спа-

³ ГАТО. Д. 89. Л. 23, 25, 29; Д. 45. Л. 35, 37.

⁴ Там же. Д. 89. Л. 1, 6-7, 9, 22, 25.

⁵ Там же. Д. 86. Л. 19; Д. 89. Л. 21, 24-26.

сти, по крайней мере, материал», растаскиваемый на дрова. И едва ли не главное, подчеркивалось в очередном, октябрьском обращении факультета в Правление: «наступление холодов сделает... невозможным ведение» занятий.

Кстати, в начале 20-го леском удалось вытеснить. Легче не стало. Лесники ушли с припасом. На верхнем этаже исчезли «лампочки, частично с арматурой, и срезаны провода висячих ламп в двух комнатах нижнего этажа». «Вторично» «вырезан ...кусок сажени две нулевого провода на чердаке», что повлекло «расстройство освещения». «Взломаны три вентилятора». В подвальном этаже «при ремонте отопления» (за что лесников хвалил Иванцов) «выломан пол, ремонт центрального отопления не закончен и вряд ли такое может быть исправлено». Для спасения оставалось только спустить воду – «иначе все разморозится». Лескомовцы ухитрились поставить отопительные трубы в вентиляторах, что грозило пожаром. Помещения нуждаются в основательной чистке, особенно клозеты верхнего и подвального этажей, которые лесовиками приведены «в совершенно невозможное состояние».

Все на «квартирантов» списать было нельзя. Так и не нашелся «прочный замок» для чердака. В оттепель плохо заделанный стеклянный потолок дал течь. Сильнейшая течь на лестнице, ведущей на чердак. На чердаке не застеклено слуховое окно, набился снег. Разбитые стекла остались разбитыми, ремонт аудиторий толком не начинался. Замки есть, нет ключей. Забор «продолжал» расхищаться. Несмотря на многократные поручения университетской хозяйки привести его в порядок⁶.

Пришлось объясняться заведующему стройотделом ТГУ Скачкову. Его пояснения выглядят гораздо убедительнее филиппик, обрушиваемых агрофаковцами на хозяйку. Клеить полы можно только в теплое время. Пол в подвале не заделан, поскольку ждали представителей гублескома для составления «акта». С печами плохо и не могло быть лучше, так как нет тридцатиаршинных труб. Тамбовские Центральные мастерские не изготавливают: нет железа. Частники отказывают из-за неаккуратности прежних выплат. Лестничные ограждения не ставятся –

нет ни теса, ни брусков (аналогично с перегородкой в химлаборатории в Яслях: заготовленный в бокинском лесничестве и еще где-то тес реквизирован «военным ведомством»). Тес, приобретенный у 1-го лесопильного завода, нельзя вывезти, так как губтрамот не дал подвод, частника привлекать нельзя, поскольку «контроль мои счета не пропустит». Замков просто нет.

Скачков вывел чеканную формулу тогдашнего хозяйствования: «Все меры приняты и принимались к заготовке строительных материалов, но самих материалов нет». Перечень убедителен: дверные приборы, стекло, мел, известь, алебастр, штукатурные гвозди, алифа, кровельное железо, двутавровые балки, проволока, печные приборы, водопроводные трубы, раковины и т. д. Инженер-строитель напомнил: «Мы живем в необычных условиях» и назвал три «обычных», позволяющих вести работы: наличие стройматериалов, их подвоз, рабочая сила. Ни того, ни другого, ни третьего не было. Был «военный коммунизм».

Напасти приходили с разных сторон. Весной, например, разбирается «асеевская» ограда. По распоряжению губснх. На основании «революционной законности»: кирпичи понадобились для сооружения цинской плотины – напротив агрофака. Вообще-то кирпич имелся – на ж.д. станции Тамбов. Не на чем возить. Сгодилась ограда. Надеяться было не на что: укомхоз сообщил «о неимении материалов для устройства ограды вокруг усадьбы». Революционная законность.

Оставалось учреждать комиссии «по осмотру». В апреле Иванцов, от деканата – Кондырев, Скачков и завхозотделом ТГУ Кашков «осмотрели». По-прежнему, ничего толком не делалось.

Водопровод. Обнаружилась сильная водопроводная течь из трубы, питающей запасной бак на чердаке, пришлось отключить. Другая – из трубы под потолком уборной 2-го этажа – над вестибюлем. Вентили, особенно клозетные, «ослабили». «Кое-где» поломаны краны в раковинах и бачки. Предлагалось в недельный срок установить 2 вентиля на распределительные краны в топке («включающие» оба крыла дома), что позволяло при возникновении «чп» «запирать» водопровод целиком. Немедленно следовало «отыскать и заменить» часть лопнувшей тру-

⁶ ГАТО. Д. 15. Л. 21; Д. 89. Л. 2; Д. 41. Л. 17об.

бы под полом уборной, произвести «мелкий ремонт» кранов, бачков и т. п.

В этом «контексте» решение о переводе молочного поголовья из университетской Воронцовской фермы (б. имение Болдыревой) в «сарай» Асеева дома выглядит «тришкиным кафтаном»: где ТГУ возьмет корма?

Канализация. «По-видимому, ... в исправности». Решили к 5 мая осмотреть сточные ямы, если нужно, очистить.

Отопление – «в состоянии расстройств... По условиям настоящего времени произвести... ремонт является невозможным». Вода не была слита, зимой 18/19 гг. («когда дом стоял необитаем»), трубы лопнули. Гублеском, было, затеялся с ремонтом водяного отопления. Обнаружилась течь в 10 местах только в подвале. Работы были прекращены. И комиссионеры решили, что возобновлять ремонт «несвоевременно». Еще и не известно, будут ли дрова на зиму 20/21 гг. Выход – в налаживании «местного отопления» («железные или частично кирпичные печи»), выводя трубы через дымоходы и вентиляционные отверстия (пожарная безопасность?). Действовать быстрее, «пока легче достать печников». Печки устанавливать в места, указанные профессорами до 15 августа.

Крыша. Стекланный фонарь над верхней «большой залой» разбит «во многих местах», частично повреждена кровля, течи. Крышу подмазать, подкрасить, вымести – к 15 мая. Пролеты фонаря закрыть «двойным тесом... в разбежку, <...> освободившееся стекло» – на починку «менее пострадавших пролетов козырька», стекланный потолок над залой промыть.

«Мелочи». Поставить перегородку между большой залой и вестибюлем. Заделка пола в подвале, поправка паркета в большой зале нижнего этажа, смежной большой гостиной, в комнате на втором этаже, побелка, покраска, остекление, исправление чердачных рам, подобрать ключи к замкам (!), «уцелевшую мебель привести в порядок... обить старым ковром», столы в недельный срок открыть окна – для проветривания. Еще: беседку в саду (мнение Иванцова и Кашкова) снести из-за «полной ветхости». Ремонт бессмысленен: «все равно будет разобрана окрестными жителями на топливо». Забор уже разобран (деревянный – соседями на топку,

каменный – на плотину). Надо хотя бы ключей проволокой огородить, иначе сад и огород не сохранить. С террасы следовало убрать гнилые ящики, «разобрать в саду остатки железной клетки». Возникли места опасные: наружная штукатурка обваливалась, но поскольку цемент клался на алебастр, для поправки надо было сбивать все сплошь⁷ [1, с. 169].

Все «конкретно», со сроками. Цену конкретности проявляло соображение: начинать надо немедленно, но завершение работ зависит «от сроков доставания теса».

Через полгода, в октябре, очередная комиссия (во главе с деканом Лысогорским) занялась проверкой выполнения апрельской записки. Сделано: установлены 2 вентиля в топке, убран мусор с террасы, «преступлено к очистке мягкой мебели», вставлены щиты в остатки фонаря. К остальному не приступали: водопровод, сточные ямы, печи, крыша, течи, перегородка в вестибюле, побелка, покраска... замочные ключи. Колючую проволоку установила организация, рассчитывающая взять Асеев сад в аренду. Добавилось: еще пролет злосчастного фонаря (разбили лестницей рабочие, ставившие щиты (!)), течь в зале верхнего этажа, слуховое окно не заделано. От претендента на сад («комячейка» молочной фермы ЕПО) отбиться удалось, как и от ходатайств организации РКП 2-го Первомайского района «о выдаче <...> части мебели, находящейся в библиотеке». Кстати, летом удалось наладить в саду студенческую практику (по 3 часа «в вечернее время»).

Скудость фондируемых ресурсов толкала на «нэп» университетского масштаба. Правление ТГУ для постановки в оба здания агрофака железных печей намеревалось «просить Отдел металлов отпустить железо, а также делать заказы частным лицам», сделать «перегородки и мебель для лабораторий и кабинетов», так как заготовительная «отказались закупать доски по вольным ценам». Добивались разрешения на приобретение «материала... для ремонта... труб и раковин» «с рук», найма рабочих «по вольным ценам». Аналогично: наем подвод «ввиду отказа со стороны» совтрансотдела. Во всех случаях отказа со стороны властных структур «удовлетворять потребности в материалах, рабсиле

⁷ ГАТО. Д. 11. Л. 116об.; Д. 45. Л. 18об., 20, 30об.

и подводах... сдельно». Разумно, но мало шансов.

В 1920 г. ТГУ располагал 6 зданиями (188 кв. саженей, примерно 8,3 тыс. кв. м). «Звездное» – Асеев дом: 486 кв. сажени (более 1,6 тыс. кв. м)⁸ [1, с. 234, 238].

Однако «звезда» досталась и оставалась «в крайне запущенном состоянии», которое месячное квартирование гублескома скорее усугубило. Агрофак исхитрился: «интенсивные занятия в теплое время»; когда становилось невозможно «заниматься даже в теплой одежде» – в помещениях, «ближайших к дымоходам, в которых возможно было восстановить небольшие печи местного отопления». И водопровод «в состоянии полного расстройства». И все остальное.

Год и начался обращением в хозчасть: «Привести в порядок дом Асеева». Январская смета на ремонтные работы в усадьбе (сложности усугублялись отсутствием чертежей и планов расположения труб и проводов, «проложенных внутри стен и под потолками»): «исправление повреждений... и добавочно на электричество», постройка перегородок и другое – составила 275 тыс. руб., смета ТГУ – более 2,5 млн. Индикатор запустения – перечень работ: стекольные (75 стекол, 225 погонных аршин), плотницкие (паркет в большом зале, деревянные щиты в стеклянном фонаре, дощатый сарай для дров и инвентаря), водопровод (ремонт и замена батарей, кранов и труб), печные (перекладка топок котлов), вспомогательные (10 % сметной стоимости). В начале февраля, после выдворения гублеса, пришлось дополнять: засыпка строймусором с плотной трамбовкой трех ям в подвальном этаже (!), постройка 10 патронов с лампочками, исправление нулевого провода на чердаке, штепселей и розеток – более 3,5 тыс.

Одно и то же. 31 июля междуведственная комиссия по улучшению условий работы хозяйственного и строительного отделов ТГУ (представители университета, Комгосоора, РККИ, ОНО и др.): «тяжелое положение», – констатировал ректор Н.А. Шлезингер, «вследствие полной невозможности производить ... работы по причине отсутствия ... материалов, рабочих рук и низкой оплаты труда». Комгосоор признал: помочь не может ни по сметным заданиям, ни рабси-

⁸ ГАТО. Д. 45. Л. 62; Д. 42. Л. 65.

лой, существенно повысить оплату труда «в пределах действующих правил» невозможно. Постановили: использовать сдельный наем (в том числе транспортных средств) и закупки по вольным ценам. По Асееву дому: просить Отдел металлов отпустить железо для печей и «давать задания частным лицам на печи из их материала» (печи собрались установить, но решили просить Комхоз разрешить «перевозку некоторых труб, раковин и кранов» из Асеева дома в б. Ясли).

Сметные прикидки первой половины 20-го – латание дыр. Всерьез ремонтные работы в Асеевом доме в сентябрьской смете оценивались почти в 2,6 млн руб. (львиная доля, 2,27 млн – плотницкие работы).

И опять холода. Доходило до склок. В октябре, например, Президиуму факультета пришлось разбираться с жалобой завхоза части ТГУ на профессора Иванцова, не позволившего «взять воз дров для кабинетов д. Яслей из имеющегося в подвале дома б. Асеева остатка дров от прошлого года». Не удивительно, судя по общему состоянию дома, в сотый раз обрисованному Иванцовым. Потолок протекает. Центральное отопление «совершенно испорчено», только несколько «печурок» в некоторых комнатах. Заготовленные 40 кубов дров не на чем перевезти. Водопровод не действует. Препараты замерзают и портятся, инструменты... ржавеют. Рабочих по таксе «невозможно найти». «Рабоче-крестьянский контроль», санкционирующий все расходы, парализовал хозчасть ТГУ и т. д.

«Ремонтные» итоги 20-го подвел Скачков: «переделан и отремонтирован световой фонарь», чинился водопровод и вставлены стекла⁹. Не густо.

В 1921 г. все продолжилось и усугубилось – особенно по мере нарастания политико-хозяйственного кризиса в губернии и угрозы закрытия университета, стряпшегося в августе.

В апреле за ненадобностью имущество электростанции дома передается частями губэлектроотделу и реммастерским. Добавлялись сторонние напасти. В связи с формированием Тамбовского фронта город заполонили воинские части. 9 мая на территорию

⁹ Там же. Д. 10. Л. 3об.-4, 18об., 21об., 64об., 71-74; Д. 86. Л. 25об., 71, 117, 138; Д. 110. Л. 1; Д. 113. Л. 13об.; Д. 142. Л. 7.

усадьбы б. Асеева заявила «артиллерийская команда с пушками и пулеметами». Не имея никаких разрешительных документов, военные (как выяснилось, команда отдельной пушечной батареи и канцелярия Борисоглебских кавкурсов) стали занимать комнаты и собрались устраивать «наблюдательный пункт». Обошлось. Высшее командование приказало «здания университета освободить совершенно, о случаях... указанных провести подробное расследование»¹⁰.

В июле Скачков испрашивал в Правлении аванс на боле чем скромные полмиллиона рублей «на срочные ремонтные работы по ремонту» усадьбы, поскольку госкомсоор, несмотря на решение губисполкома, «отказался от ремонта университетских зданий отсутствием материала и рабочих...». Решили «произвести ремонт хозспособом». Ничего, естественно, не вышло. В середине августа Скачков в очередной раз заявляет о необходимости неотложного ремонта: заделка слуховых окон, починка светового фонаря, починка крыши. Одно и то же: агрофак «в состоянии большого запущения»¹¹ [1, с. 246].

Итоги 21-го: «Отчетный период (январь – сентябрь), как и предыдущий, носил характер прогрессирующего расстройств и возрастающих затруднений в удовлетворении нужд университета». Непосредственная причина очевидна: «мало ремонтных работ», поскольку нет материалов, по «рыночной цене» нанять специалистов невозможно, «а по твердым никто не пойдет на работу»¹².

¹⁰ ГАТО. Д. 11. Л. 263; Д. 32. Л. 22, 26; Д. 86. Л. 520.

¹¹ Там же. Д. 11. Л. 152, 293, 305об.

¹² Там же. Д. 142. Л. 7об., 24.

В октябре 1919 г. Президиум агрофака постановил: «Сообщить Городской ферме (держала стадо на территории, примыкавшей к усадьбе), что ей дается оранжерея под склад корнеплодов». А в сентябре 21-го «рабоче-крестьянская инспекция» известила агрофак, преобразующийся в СХИ: «Появившиеся в местной газете заметки указывают на бесхозяйственность в доме б. Асеева и отсутствие всякого за ним наблюдения. Указанные обстоятельства подтвердились... немедленно принять меры к установлению самого тщательного наблюдения... впредь до официальной передачи другому владельцу... ответственность за ... хищение и порчу... понесет Агрофак». Крайний нашелся. Запустенья...

Еще в марте некая комиссия осматривала Дом «на предмет отдания такового под дом отдыха Рабочих». ТГУ отдался испугом: ГИК, подчеркнув исключительное значение агрофака, предложил губкомхозу «изыскать все меры к ремонту... закончить... к следующему учебному году». Отписка. По ликвидации ТГУ с 1 сентября 1921 г. вконец запустевшая усадьба перешла в ведение профсоюзов – под рекреацию¹³ [1, с. 251]. Потом – на долгие годы – кардиологический санаторий... Запустенья. В латанном-перелатанном состоянии Асеев дом продержался до нынешнего века, пока не преобразовался в «музейный комплекс» – отзвук невозвратимого...

¹³ Там же. Д. 86. Л. 1; Д. 139. Л. 9; Д. 108. Л. 34; Д. 133. Л. 13, 18.

Список литературы

1. Аврех А.Л. История Тамбовского государственного университета (1918–1921 гг.). Тамбов, 2018.

References

1. Avrekh A.L. *Istoriya Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta (1918–1921 gg.)* [History of Tambov State University (1918–1921)]. Tambov, 2018. (In Russian).

Информация об авторе

Аврех Александр Липанович, кандидат исторических наук, профессор. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: host@tsutmb.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1500-7945>

Поступила в редакцию 26.09.2019 г.

Поступила после рецензирования 17.10.2019 г.

Принята к публикации 22.11.2019 г.

Information about the author

Aleksander L. Avrekh, Candidate of History, Professor. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: host@tsutmb.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1500-7945>

Received 26 September 2019

Reviewed 17 October 2019

Accepted for press 22 November 2019